

«ЛОШАДИ ИЛИ ТАНКИ?
ДИСКУССИИ В БРИТАНСКОЙ АРМИИ 1920-Х ГГ.»

Представление о консерватизме военных, их нежелании менять свои взгляды, несмотря на происходящие технические изменения, достаточно распространено как в обыденном сознании, так и в исследовательской литературе. Одним из частных его примеров является тезис, что о том, что «военные всегда готовятся к прошлой войне». Последствия военного консерватизма и косности часто изображаются в виде нелогичных, иррациональных и бессмысленных действий, на которые генералы обрекают свои войска. Среди таких иллюстраций выделяются яркие образы Первой мировой войны, запечатленные в литературных и кинематографических произведениях: солдаты, бегущие строем в атаку и уничтожаемые «адским косильщиком» Великой войны – пулеметом (1).

В рассуждениях подобного рода кавалерия занимает немаловажное место. Приверженность военных к кавалерии в эпоху развития танковых сил часто изображается в карикатурном свете. Один из ярких примеров в данном случае – миф об атаке вооруженной саблями польской кавалерии на германские танки в сентябре 1939 г. в битве у деревни Кроянты (2). Учитывая живучесть многих мифов в вопросе об истории кавалерии в XX веке, существование односторонних точек зрения, важным представляется дать более взвешенную оценку идей военных о применении кавалерии в 1920-е гг. Решение данной задачи будет предпринято на основе изучения идей и представлений британских военных 1920-х гг. о роли танков и кавалерии в современной войне.

Также как в отношении многих других проблем военной истории Великобритании между двумя мировыми войнами, серьезное влияние на изучение вопроса о кавалерии оказал Б. Лиддел Гарт. В своих мемуарах, опубликованных в 1965 г., он выступил с резкой критикой идеи британских военных 1920-1930-х гг., обвинив их в устарелых взглядах и косности. Он писал: «Приверженцы кавалерии питали отвращение к идее отказа от лошадей и тем самым инстинктивно порицали танки. Они находили поддержку в Военном министерстве и Парламенте. Приписываемые Веллингтону слова о том, что битва при Ватерлоо была выиграна на игровых полях Итона являются легендой, но то, что ранние битвы Второй мировой войны были проиграны в Кавалерийском клубе, является болезненной правдой» (3). Насколько обоснована данная мысль?

В июне 1928 г. при обсуждении вопроса о будущем кавалерии в Комитете имперской обороны – ключевом военно-политическом органе Британской империи – были представлены данные об относительной роли кавалерийских частей в армиях различных государств. В обобщенном виде они приведены в таблице 1 (4).

Таблица 1. Соотношение кавалерийских эскадронов и пехотных батальонов в армиях ряда государств в 1920-е гг.

Страна	Год	Количество кавалерийских эскадронов/количество пехотных батальонов
Франция	1927	0,8
	1929	0,59
Россия	1914	0,57
	1927	0,48
США	1920	0,53
	1927	0,68
Британская армия: а) Регулярная и территориальная армия в метрополии и за рубежом (исключая Индию) б) Британская армия в Индии и Индийская регулярная армия		
	1924	0,35
	1928	0,27
	1924	0,43
	1928	0,43

Как можно заметить, пропорция между числом кавалерийских эскадронов и пехотных батальонов в британской армии была самой низкой среди всех армий представленных в таблице. Эти цифры заставляют, как минимум, задуматься над тезисом Лиддел Гарта.

В этом тезисе явно присутствует доля истины. Действительно, среди британских военных середины 1920-х гг. сохранялась некоторая приверженность к кавалерии. Начальник имперского Генерального штаба, фельдмаршал Дж. Милн подчеркивал, что «в техническом смысле на данной момент ни одно механическое средство не может заместить лошадь на поле битвы». Это замечание он объяснял спецификой местности (леса, реки, труднопроходимые участки), на которой кавалерия может действовать с меньшим трудом, нежели механизированные силы (военные автомобили и танкетки) (5). Точку зрения о том, что кавалерия не умерла и не является чем-то устаревшим, в ноябре 1927 г. высказывали также фельдмаршалы Э. Алленби и У. Робертсон.

Однако важно отметить, что тот же Милн подытоживал свои рассуждения о роли кавалерии следующими выводами: необходимо строить бронетанковые силы на будущее и насколько только возможно усиливать имеющие кавалерийские соединения механизированными средствами. Характерен и вывод, к которому пришел Комитет имперской обороны в мае 1928 г., рассмотрев «за» и «против» кавалерии: «Мы рекомендуем одобрение политики Военного министерства как по преобразованию кавалерийских полков в полки бронеавтомобилей, так и по постепенной механизации технических средств (пулеметов и транспорта) оставшихся кавалерийских полков» (6). На этом фоне далеко не случайным выглядит вывод британского историка Д. Эдгертона, который писал: «Слабостью Великобритании была малая численность ее армии. Однако современные исследования продемонстрировали, насколько важным был танк для этой небольшой армии. В ходе войны и после нее у

британской армии было очень эффективное танковое лобби, которое сделало из Великобритании ведущую танковую державу 1920-х гг.» (7). Отечественные исследователи также подчеркивают «продвинутость» в плане механизации некоторых руководящих документов британской армии. Так, документы по боевой подготовке личного состава и использованию танков и бронеавтомобилей 1927 и 1929 гг., характеризуются как «официальный устав механизированной войны» (8).

Таким образом, отчасти тезис Лиддел Гарта не подтверждается. Британские военные 1920-х гг. не питали инстинктивного неприятия к танкам, напротив, они достаточно успешно инкорпорировали их в структуру армии Великобритании. Однако идея Лиддел Гарта имеет свои основания. Для их характеристики необходимо ответить на вопрос: как британские военные представляли себе тактическое и оперативное применение танков?

Полевой устав британской армии 1924 г. определял задачи танков в атаке следующим образом: 1) оказывать помощь продвижению пехоты; 2) уничтожать танки противника; 3) развивать успех (9). Как можно заметить из первого пункта, британские военные считали, что тактические задачи танковых сил были подчинены задачам пехоты. Именно в этом ключе можно истолковывать идею майора Ле Мартеля о танках как о «механизированной пехоте» (10). Он ратовал за создание дешевых (стоимостью около £750) одно- и двухместных танков (модели Moris, Lloyd Carden (11)), которые могли развивать скорость до 20 миль в час (32 км/ч) по дороге и 10 миль в час (16 км/ч) по пересеченной местности. Он выступал за как можно более массированное применение танков на поле битвы: на 500 ярдов (457 метров) фронта атаки должно было приходиться до 100 танков. Фактически такой строй был не так уж далек от строя наступающих пехотинцев.

Несмотря на относительно низкую долю кавалерии в британской армии, руководящие документы признавали ее роль на поле битвы. В Полевом уставе говорилось: «Вооруженная копьем или саблей кавалерия может атаковать как в конном строю, так и спешившись ... кавалерия может совмещать ведение огня и движение в конном строю, и использовать как в атаке, так и обороне преимущества, присущие ее мобильности». На развитие британских танковых сил при этом сказывалось не только само наличие кавалерии, сколько так называемая «кавалерийская концепция» танка. Согласно этой концепции, как отмечает канадский исследователь А. Данкан, «тяжелые танки должны были действовать аналогично тяжелой кавалерии эпохи Наполеона: как ударная сила, используемая для рейдов и для помощи в атаках пехоты. Легкие танки, по аналогии с легкой кавалерией, должны были использоваться для отвлечения сил противника и разведки. Хотя кавалерийская концепция не исключала возможности танковых ударов во фланг противника или с тыла, целью этих действий считалось нанесение ущерба, но не достижение решающей победы. Эта победа, утверждали военные-консерваторы, станет результатом атак пехоты при поддержке танков против главных сил противника» (12).

«Кавалерийская концепция» танка была наглядно продемонстрирована в ряде учебных маневров 1920-х гг. на равнине Салисбери (13). Именно здесь в

1925 г. прошли первые масштабные маневры с участием танков. Несмотря на смелый замысел по их применению в качестве самостоятельной ударной силы, которая должна была выйти во фланг противника, учебная атака не удалась: танки оторвались от пехоты и артиллерии, их должное взаимодействие не было обеспечено. Британские военные, оценив замысел сам по себе, сетовали на технические недостатки танков и их малочисленность. Маневры 1927-1928 гг. уже более ясно обозначили, как британские военные видят применение танков на поле боя: они должны осуществлять небольшие рейды в тыл противника, в то время как ведется бой с его основными силами.

Эти маневры стали одним из важных шагов в утверждении «кавалерийской концепции» танка (14). Один из ведущих британских военных теоретиков в области танков Ч. Брод после маневров пришел в 1929 г. к выводу, что задачи легких бронетанковых бригад аналогичны функциям кавалерии в XIX веке (15). При этом не стоит недооценивать новаторство маневров на Салисбери, осуществленных в 1927-1928 гг. Они произвели большое впечатление на военных специалистов Франции, Германии и США, ускорив работы по механизации вооруженных сил этих государств.

В целом, концепция танка как «бронированной кавалерии» не предполагала выработки особой доктрины по применению танка на поле битвы, скорее с ее помощью можно было перелить «новое вино в старые мехи». Танк – это новое техническое изобретение – интегрировался в уже существующую систему взглядов и представлений о роли отдельных родов войск на поле битвы. Танковые силы не становились стержнем формирования новых идей и доктрин, их инкорпорирование не сопровождалось ломкой устоявшихся взглядов и представлений. Скорее танк «накладывался» на уже разработанную сетку представлений. Характерны в этом смысле слова Лиддел Гарта, который отмечал позднее, что «возражения против механизации стало легче преодолевать, когда было доказано, что подвижная бронированная машина, то есть быстроходный танк, по существу является наследником рыцарской конницы, и, следовательно, естественным средством восстановления той решающей роли, которую играла кавалерия в прошлые века» (16).

Однако «кавалерийскую концепцию» танка разделяли не все британские военные. Одними из главных «возмутителей спокойствия» в этом отношении были Дж. Фуллер и Лиддел Гарт. Для Фуллера танк был новым универсальным оружием, он должен был радикально изменить лицо будущей войны. Танк был своего рода воплощением синтеза традиционных родов войск. Как писал Фуллер в 1923 г., «усовершенствованный танк убьет конницу, артиллерию и пехоту, но они, по крайней мере, первые две, умрут для того, чтобы возродиться в новой форме» (17). В другом месте он также подчеркивал, что «на поле сражения будущего нет места для пехоты, а с нею исчезнут и конница, и все орудия и повозки на конной тяге» (18). Эти идеи явно контрастировали с положением Полевого устава 1924 г., где говорилось: «Пехота является родом войск, обеспечивающим победу в битвах ... Ружье и штык являются главными орудиями пехотинца. Эти орудия – последнее средство победы в битве».

Основное преимущество танка по сравнению с традиционными родами войск заключалось, по мнению Фуллера, в том, что он давал возможность обеспечить быструю и экономичную победу на поле битвы. На протяжении 1920-1930-х гг. Фуллер не переставал сожалеть о том, что его план военной кампании на 1919 г. так и не был реализован. Этот план предполагал массированное использование танковых войск для быстрого прорыва в ряды противника, разрушение его системы коммуникаций, захват центров командования и управления – всего того, что, используя современную зарубежную военную лексику можно обозначить как систему C³I (командование, контроль, коммуникации, разведка). Ключевая цель применения танка на поле боя состояла не в уничтожении живой силы противника, а получении того, что Фуллер называл «моральным эффектом» – паралич военной организации противника, потеря управления и воли к продолжению войны, в конечном счете, его согласие с волей победителя. Как писал Фуллер в 1932 г., «“танковая школа”, мозговым центром которой был Генеральный штаб танкового корпуса, никогда не переставала думать в терминах «морального эффекта»; не потому, что она была хорошо расположена к врагу, но потому, что она понимала, что этот путь являлся наиболее решительной и экономичной формой атаки» (19).

Фуллер осознавал, что технические характеристики существовавших в 1920-е гг. танков не совсем удовлетворяли тем задачам, которые он ставил перед ним. Легкие танки, составлявшие основу британского парка и вписывавшиеся в «кавалерийскую концепцию» его применения не устраивали Фуллера. Он ратовал за развитие тяжелых танков, подчеркивая, что «на смену пехотному танку придет тяжело вооруженный и бронированный сухопутный линейный корабль – артиллерия будущего, кавалерийский же танк ... сделается сухопутным крейсером» (20).

В историографии традиционно подчеркивалось различие взглядов Фуллера и Лиддел Гарта по вопросу о тактике применения танков на поле битвы. Фуллер изображался как приверженец идеи о том, что пехота как род войск окончательно устарела, что она будет нужна лишь для службы в гарнизонах на завоеванной танковыми войсками территории. Эту точку зрения изложил в своих мемуарах Лиддел Гарт и она была широко распространена в 1970-е гг. в британской историографии (21). Частичным подкреплением этой идеи являются и приведенные выше цитаты из самого Фуллера. Однако, как показало более детальное исследование британского историка Б. Холдена Рейда, разница во взглядах Фуллера и Лиддел Гарта преувеличена (22). Действительно, Лиддел Гарт отводил значимую роль взаимодействию танков и пехоты на поле боя. Он считал, что механизированная пехота может серьезным образом помочь танкам и выступал за создание перевозимых на грузовиках соединений «сухопутной морской пехоты» («land marines»), которые бы «зачищали» крепости и труднодоступные для танков зоны (к примеру, леса) (23). Однако схожую мысль высказывал и Фуллер. В статье 1929 г. он подчеркивал, что часто битва разворачивается в таких условиях местности, где поддержка пехоты необходима для танков. Вполне в согласии с Лиддел Гартом

он отмечал, что в лесистых районах «стрелки будут находиться впереди танков под прикрытием леса на каждом фланге, в готовности открыть огонь по противотанковым орудиям противника, которые могут заблокировать продвижение» (24). Более того Лиддел Гарт развивал идеи о тесном взаимодействии пехоты и танков в основном в 1930-е гг. В конце 1920-х гг. его позиция была несколько иной. Так, в частности, в 1928 г. он считал, что «настоящие бронетанковые силы» должны избегать таких препятствий, для преодоления которых им потребовалось бы взаимодействие с пехотой (25).

При этом во взглядах Фуллера и Лиддел Гарта наблюдалось любопытное расхождение в другом пункте. Лиддел Гарт как и Фуллер считал, что танк может служить неплохим средством в обеспечении быстрой и экономичной победы на поле битвы. По мысли Лиддел Гарта оборона чаще всего одерживает вверх над прямолинейным фронтальным наступлением (26). Подобные столкновения приводят к взаимному истощению сторон и к многочисленным потерям. Напротив, стратегия «непрямых действий», заключающаяся, в том числе, в таких императивах как «избегать фронтального наступления на давно укрепленных позициях, стараться обойти ее с фланга, с тем, чтобы натиску подверглась более уязвимая сторона», дает возможность обеспечить победу при минимальных затратах. Танк является хорошим средством реализации этой концепции на практике. Действия танковых сил по заходу противнику во фланг, нарушению его линий коммуникаций, введению его в заблуждение за счет создания угроз сразу нескольким объектам – все эти идеи делали из Лиддел Гарта активного сторонника массированного применения танков для достижения решающей победы на поле битвы.

Однако Фуллер весьма скептически относился к концепции «непрямых действий». В 1929 г. он писал Лиддел Гарту: «Ошибочно рассматривать не прямые действия как панацею. Цель – победить противника и если она может быть достигнута прямыми действиями, тем лучше. Непрямые действия – это необходимое зло. Способ действий, которому необходимо следовать, полностью зависит от силы оружия. Если при встрече с бандитом я вооружен пистолетом, а он нет, то мой подход – прямой; если, однако, мы оба вооружены ножами, то я, возможно, буду использовать не прямые действия» (27).

В то время как Лиддел Гарт никогда не занимал высоких военных постов (в 1927 г. он уволился из армии в звании капитана), то ситуация с Фуллером обстояла иначе. В 1920-е гг. он находился на высоких должностях в британской армии: с 1923 г. главного преподавателя в Военной академии, с 1926 г. военного помощника начальника Генерального штаба Британской империи, в 1927-1930 гг. начальника штаба 2-й стрелковой дивизии и командующего экспериментальной бригадой в Алдершоте (28). В 1927 г. Милн предложил ему стать командующим только что созданных Экспериментальных механизированных сил. Однако Фуллер, отличавшийся весьма оригинальными поступками и манерами, отказался от назначения, возможно опасаясь того, что он не справится с обязанностями (29). Иными словами, наблюдается любопытный случай: один из главных противников доминирующих концепций в отношении танков, занимает достаточно высокие военные посты.

Почему же британская военная элита не приняла взглядов Фуллера? Наряду с другими причинами, в том числе туманностью языка Фуллера и излагаемых им идей, стоит обратить внимание на характер формирования корпуса командующих механизированными частями в британской армии. В уже упоминавшихся выводах Комитета имперской обороны мая 1928 г. значилось: «Мы хотим обратить особое внимание на желательность наиболее полного использования, по мере развития механизации, традиций кавалерии, духа и особых качеств ее персонала в механизированных частях, замещающих кавалерию». В докладе специального подкомитета также говорилось: «Мы были, однако особенно впечатлены значением, как следует из представленных свидетельств, поддержания «кавалерийского духа» в механизированных частях, которым отводятся функции, до этого выполняемые кавалерией. Генерал сэр Александер Годли категорически придерживался мнения о том, что бронеавтомобили и танкетки должны принадлежать кавалерии, а не танковому корпусу. Выступая против уменьшения кавалерии, он выступал за ее постепенное дополнение механизированными частями в наибольшей степени, учитывая характер их развития» (30). Аналогичной точки зрения придерживался У. Черчилль (тогда министр финансов), подчеркивая: «Я полностью согласен с политикой Военного министерства по использованию кавалерийского персонала для управления механизированными средствами». Тем самым «кавалерийская концепция» танка имела под собой и определенные факторы организационного порядка.

Несмотря на это, в целом, танковые силы пользовались в Великобритании большей организационной автономией, чем, к примеру, во Франции. Это стало возможно благодаря существованию с 1917 г. Танкового корпуса (с 1923 г. – Королевский танковый корпус). На его основе в 1927 г. были сформированы уже упоминавшиеся Экспериментальные механизированные силы. Несмотря на то, что их учения были в немалой степени построены в традициях «кавалерийской концепции» танка, их опыт был весьма продуктивен: он продемонстрировал преимущества взаимодействия танковых соединений и соединений механизированной пехоты, благодаря которому, в частности, удалось обеспечить успешное преодоление танками речных преград. В результате протестов ряда британских военных силы были расформированы в 1929 г. Дальнейшие шаги по формированию самостоятельных танковых сил были предприняты уже в 1930-е гг. с созданием 1-й бригады Королевского танкового корпуса.

На то, как британские военные представляли себе роль танка, свое влияние оказывали представления об условиях местности, в которых он будет применяться на поле битвы. То, что считалось возможным в одних условиях, рассматривалось как маловероятное в других. Как отмечал в последующем командующий британской армией в Индии во время Второй мировой войны, фельдмаршал А. Уэйвелл, главное интеллектуальное качество, которым должен обладать генерал – «то, что французы называют чувством практически исполнимого (*sens du praticable*), и то мы называем здравым смыслом, знанием того, что возможно, а что нет» (31).

В 1920-е гг. британская армия не готовилась к войне в Европе. В 1927 г. кабинет министров одобрил следующую формулу, исходя из которой, должен был определяться бюджет британской армии: «Британская империя не будет вовлечена в европейскую войну в течение ближайших десяти лет и непосредственные военные планы армии должны основываться на подготовке к неевропейской войне» (32). В связи с этим особую роль для развития взглядов британских играл фактор войны в колониальных условиях.

В британском случае связь между развитием механизированных сил и условиями колониальных войн прослеживается весьма четко. В предисловии к «Реформации войны» Фуллера М.Н. Тухачевский в 1931 г. писал: британские военачальники пока не рассматривают всерьез возможность новой мировой войны, главное, что их интересует – малые войны на периферии мира. Ключевое же условие успеха и эффективности в этих войнах – наличие мобильной и механизированной армии (33). Схожую идею высказывал и британский офицер майор Денинг. В статье 1927 г. он подчеркивал: одним из ключевых факторов победы в малой войне является мобильность (34). Главным же средством ее реализации на практике являются механизированные силы.

Подготовка к неевропейской войне сыграла серьезную роль в дискуссиях среди британских военных по поводу роли кавалерии и танков в будущей войне. Так, тезис о разнообразии потенциальных театров военных действий в колониях использовался как подкрепление идеи о том, что традиционные рода войск – пехота и кавалерия – не устарели. Как отмечалось в военных журналах, «до тех пор, пока мы ответственны за оборону северо-западной границы Индии, в деле которой пехота является единственным родом войск, на который можно положиться, мы не можем позволить сократить численность нашей армии или опираться только на механизированный транспорт» (35). В докладе Комитета имперской обороны о будущем кавалерии от 3 мая 1928 г. подчеркивалось: «Нам не раз указывалось на то, что армии, возможно, британская армия в особенности, могут столкнуться с необходимостью действовать в различных условиях местности, которые являясь доступными для солдат на лошадях, не подходят для действий механизированных войск». Среди подобных условий назывались пустыни Ближнего Востока, равнины на границах СССР, скалистые районы Афганистана. Трудности, связанные с логистикой механизированных сил, которые не могут далеко отходить от своих баз снабжения, также рассматривались как аргумент в пользу кавалерии (36).

В то время как одни условия местности считались особенно подходящими для применения кавалерии, другие, напротив, наводили британских военных к мысли о массированном использовании танков. Рассмотрим эту идею на примере гипотетического плана войны Британской империи с СССР на территории Афганистана. В декабре 1927 г. было подтверждено решение «подкомитета Морли» (37) 1907 г. о том, что «сознательное пересечение Амударьи или оккупация Россией Герата» будут рассматриваться как *casus belli*. На случай войны Генеральный штаб Индии и имперский Генеральный штаб представили свои планы боевых действий. Оба плана строились на удержании контроля над Кабулом (главным образом, военно-воздушными

силами), немедленной оккупации Кандагара и занятии перевалов через Гиндукуш. Однако дальнейший ход событий два Генеральных штаба представляли себе по-разному. Генеральный штаб Индии предлагал занять позиции в провинции Гильменд на юге Афганистана и ждать пока войска противника дойдут до г. Фарах. План имперского Генерального штаба был более амбициозным по своему характеру. Он строился на идее наступления механизированных сил при поддержке авиации через Гильменд навстречу советским войскам. Этот план был основан на идее о необходимости быстрых наступательных действий с целью удержания Афганистана на стороне Британской империи, а также с учетом характера местности к западу от гористых районов Афганистана. Как отмечалось, эта равнинно-пустынная местность «особенно пригодна для применения механизированных сил, поддерживаемых авиацией» (38).

Таким образом, тот факт, что британская армия готовилась в 1920-е гг. к неевропейской войне, хотя и не предопределял выбор военного руководства в пользу танков по сравнению с кавалерией, все же служил серьезным катализатором процессов механизации вооруженных сил Британской империи.

Танк вызывал симпатии ряда британских военных и еще по одной причине. В 1920-е гг. немалая часть из них была серьезно обеспокоена возможностью повторения в будущем «гекатомб» Первой мировой войны. Подспудной мыслью при анализе самых различных военно-теоретических и военно-практических проблем для них было стремление уменьшить людские потери в будущей войне. Танк был в этом смысле хорошим подспорьем. Органичной частью размышлений Фуллера о том, что танки «убьют» пехоту как род войск является мысль о том, что «если бы можно было упразднить пехоту, войны сделались бы менее кровопролитными» (39). И Фуллер и Лиддел Гарт были критически настроены по отношению к массовым армиям, построенным на обязательной воинской повинности, образцом которой была французская модель «вооруженной нации». Подобные армии ассоциировались у них с традиционным способом ведения войн, кульминацией которого стали битвы позиционного этапа Первой мировой войны (Верден, Сомма и др.) Пропагандируемые ими идеи в отношении применения танков на поле битвы должны были перечеркнуть способ ведения войны на истощение и обеспечить возможность достижения экономичной и быстрой победы при минимальных потерях.

Таким образом, анализ дискуссий среди британских военных в 1920-е гг. демонстрирует, что записать их в стан ярых консерваторов и твердолобых приверженцев кавалерии затруднительно. Напротив, благодаря созданию Экспериментальных механизированных сил и проведению маневров на Салисбери в 1927-1928 гг. британские военные продемонстрировали свое новаторство в сфере развития танков и их применения на поле битвы. Кавалерия как род войск при этом не считалась окончательно «канувшей в Лету». Учитывая разнообразные условия местности, в которых готовилась воевать британская армия, ее место в системе вооруженных сил продолжало сохраняться.

Кавалерия не погибла в 1920-е гг. не только материально, но и «духовно». Танковые войска виделись немалой части британских военных как «бронированная кавалерия», их задачи представлялись аналогичными тем, которые выполняла кавалерия в XIX веке. Взгляды Фуллера и Лиддел Гарта казались при этом несбыточными мечтами, нереализуемыми на практике.

Таким образом, окончательного ответа на вопрос «Лошади или танки?» британскими военными в 1920-е гг. дано не было. Налицо было сосуществование традиционных и новых элементов в системе вооруженных сил. Поиск их оптимального баланса и взаимодействия будет важной задачей развития британской армии в следующее, предвоенное десятилетие.

Примечания:

1. Форд Р. Адский косильщик. Пулемет на полях сражений XX века. М., 2006.
2. Piekałkiewicz J. The cavalry of World War II. New York, 1980.
3. Liddell Hart B. H. Memoirs. Vol. 1. London, 1965. P. 77.
4. На основе: National Archives of Great Britain, Public Record Office (далее – NAGB PRO), CAB/24/195. Strength and Organisation of the Cavalry of the Line, 4th June, 1928. Appendix II.
5. Ibid. Appendix III.
6. NAGB PRO, CAB/24/195. C. I. D., Extract from the Minutes of the 235th Meeting, May 22, 1928.
7. Edgerton D. Warfare State: Britain, 1920-1970. Cambridge, 2006. P. 45.
8. История западноевропейских армий. / Под ред. В.А. Золотарева. М., 2003. С. 63 – 64.
9. Цит. по: Duncan A. J. Technology, Doctrine and Debate: the Evolution of British Army Doctrine between the World Wars. // Canadian Army Journal. 2004. Vol. 7. P. 29.
10. Martel G. le Q. (Major). Mechanization. // Army Quarterly. January 1927. Vol.13. No. 2. P. 293.
11. Уместно отметить, что Lloyd Carden в современных исследованиях классифицируется не как танк, а как танкетка. Эта модель оказала большое влияние на строительство танкеток по всему миру. Так, в частности, именно Lloyd Carden послужил основой для итальянской танкетки L3, польской – TKS, советской – Т-27, японской – «2597» («Те-Ке»). См.: Танки мира. Смоленск, 2002. С. 36 – 38, 52, 94.
12. Duncan A. J. Op. cit. P. 29 – 30.
13. В 1921 г. учебный центр по танковой стрельбе был перебазирован на специально купленную землю в Лалворте (южная Англия). Однако масштабы полигонов оказались недостаточными, что заставило Военное министерство купить участок земли на равнине Салисбери (NAGB PRO, CAB/24/174. Proposed Purchase of Land at Salisbury Plain, Memorandum by the Secretary of War, 17th August, 1925).
14. Duncan A. J. Op. cit. P. 28 – 29.
15. Harris J. P. Men, ideas, and tanks: British military thought and armoured forces, 1903-1939. Manchester, 1995. P. 223.

16. Лиддел Гарт Б. Стратегия не прямых действий. М.; СПб., 2008. С. 14.
17. Фуллер Дж. Ф. К. Реформация войны. М., 1931. С. 48.
18. Там же. С. 42.
19. Fuller J. F. C. War and Western Civilization, 1832-1932. A Study of War as a Political Instrument and the Expression of Mass Democracy. London, 1932. P. 240.
20. Фуллер Дж. Ф. К. Указ. соч. С. 50.
21. Liddell Hart B. H. Memoirs. Vol. 1. P. 90. Отголоски этой мысли см. в: Bond B. Liddell Hart and the Germans Generals. // Military Affairs. February 1977. Vol. 41. No. 1. P.18; Duncan A. J. Op. cit. P. 27.
22. Holdein Reid B. J. F. C. Fuller's theory of mechanized warfare. // Journal of Strategic Studies. December 1978. Vol. 1. No. 3. P. 304. См. также: Holdein Reid B. Colonel J. F. C. Fuller and the Revival of Classical Military Thinking in Britain, 1918-1926. // Military Affairs. October 1985. Vol. 49. No. 4. P. 192 – 197.
23. Duncan A. J. Op. cit. P. 27.
24. Holdein Reid B. J. F. C. Fuller's theory of mechanized warfare. P. 306.
25. Harris J. P. Men, ideas, and tanks. P. 221.
26. Лиддел Гарт Б. Указ. соч. С. 215.
27. Цит. по: Holdein Reid B. J. F. C. Fuller's theory of mechanized warfare. P. 302.
28. Holdein Reid B. Colonel J. F. C. Fuller...P. 192; Astore W. J. Fuller, John Frederick Charles. // World War I: encyclopedia. / Ed. by S. Tucker. Santa Barbara, 2005. P. 455.
29. Harris J. P. Obstacles to innovation and readiness: the British Army's experience 1918-1939. // The past as prologue: the importance of history to the military profession. / Ed. by W. Murray, R. H. Sinnreich. Cambridge, 2006. P. 199.
30. NAGB PRO, CAB/24/195. Sub-Committee on the Strength and Organisation of the Cavalry. Report, May 3, 1928.
31. Цит. по: Gray C. Modern Strategy. Oxford, 1999. P. 32.
32. NAGB PRO, CAB/24/198. C. I. D. Paper 900-B, Imperial Defence Policy, June 25, 1928.
33. Фуллер Дж. Ф. К. Указ. соч. С. 12 – 13.
34. Dening B. C. (Major). Modern Problems of Guerilla Warfare. // Army Quarterly. 1927. Vol. 13. P. 348, 351.
35. Editorial. // Army Quarterly. October 1926. Vol. 13. P. 12.
36. NAGB PRO, CAB/24/195. C. I. D., Sub-Committee on the Strength and Organisation of the Cavalry, Report, May 3, 1928.
37. По имени министра по делам Индии в 1905-1910 гг. лорда Дж. Морли.
38. NAGB PRO, CAB/24/192. C. I. D., Defence of India, First Report of Sub-Committee, December 19, 1927.
39. Фуллер Дж. Ф. К. Указ. соч. С. 38.